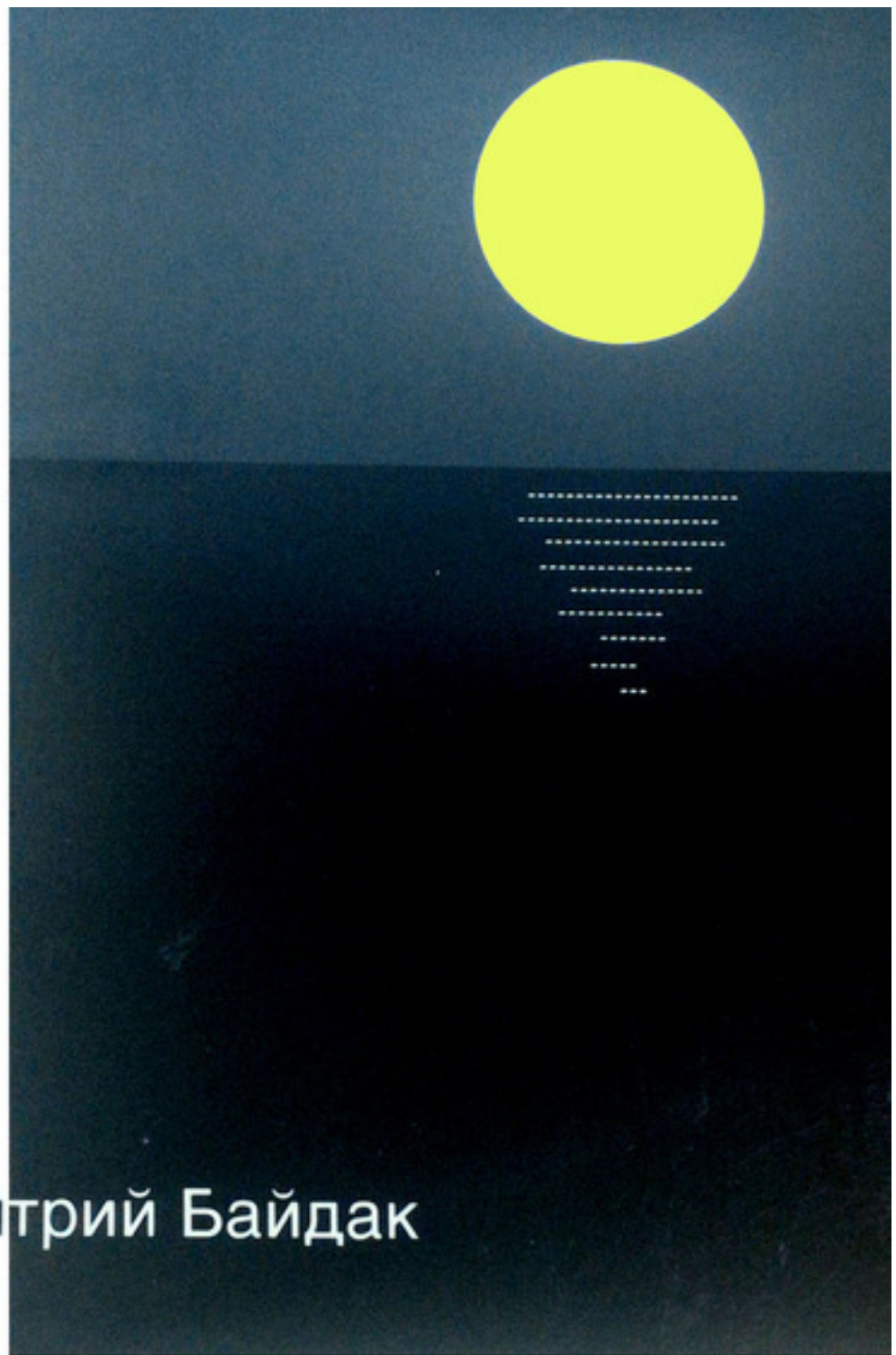

Дмитрий Байдак

ВЕТЕР ПОЛНОЛУНИЯ

БИБЛИОТЕКА ОДЕКАЛ

Тель-Авив

2017

Дмитрий Байдак

Ветер полнолуния

«Летний сад»

2017

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Байдак Д.

Ветер полнолуния / Д. Байдак — «Летний сад», 2017

ISBN 978-5-00039-259-1

«ветер полнолуния...» ветер полнолуния дует мне в окно белым
поцелуем полнится оно полнится зимою глиняное дно чудо не
восьмое миллион одно гулкая отрада не перемолчишь падается
падай храбрый кибальчиш упадешь высоко не забудь сочти всё что
одинокое на твоём пути

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-00039-259-1

© Байдак Д., 2017
© Летний сад, 2017

Содержание

все-таки предисловие	5
Еленино лето (1991)	6
«Я помню – это был не сон...»	6
«Рассыпались алые камни...»	7
«В пунцовую стыдящуюся щеку...»	8
Птица ночи	9
Тиль Уленшпигель	10
Портрет ночного дождя	11
Псевдонимы	12
«Мир матовых зеркал...»	13
«Падал снег. Сквозь сна вуаль...»	14
«День похож на покойника в белом атласном гробу...»	15
Трамвайный бред	16
«Аромат сентября – это слепок лица тишины...»	17
«Определенное сочетание...»	18
Элегия	19
Знамена	20
«Когда возлюбленная смотрит снизу...»	21
Раба реки (1992)	22
«Громкие голоса на темной улице ночью...»	22
Извлечение	23
Антиномический диптих	24
«За штриховкой воды, за решеткой ее легковесной...»	25
Письмо из театра «НО»	26
«Скукожатся одуванчики лысые, по ветру...»	27
«Всё темнее, чем есть. Всё темнее, чем было и будет...»	28
«Хладных фонтанов струи бессильные...»	29
«Облако! долго ли в небе купаться...»	30
«Мой мерный эпатаж...»	31
Сон, вызванный...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Байдак

Ветер полнолуния. 1998

все-таки предисловие

читатель,

как бытовало в обществе детей капитана лебядкина (ОДЕКАЛ) коего представителем я имею честь не лови ворон. структура данной (полученной за деньги) книжки определяется пятью книжками составившими ее структурно. а ее восприятие намеревалось структурально идентифицироваться с деструктурированной конструкцией перманентной когнитивной самострррруктуризации автора и читателя как ам ам амбивалентных правильно структур. структурное предупреждение: ежели книжка не поперла напиши рядом новую. это есть лучший способ развития литературы как хочешь. так говорит дадаграф. основатель ОДЕКАЛа.

да это чтоб вы уже лучше запомнили и начали спрашивать что же это есть такое. повторяю это общество детей капитана лебядкина. дадаграф серега его основатель. его основатель, штаб-квартира общества находится в перми. пермь. город такой. в россии. страна такая. достаточно. второе и последнее структурное предупреждение: здесь и далее нет ни одной опечатки. повторяю: ни одной а то уже отчасти замаяли.

вперед.

все-таки предисловие кончилось.

автор с уважением.

Еленино лето (1991)

«Я помню – это был не сон...»

Я помню – это был не сон
и это не был грех:
мы пили кислое вино
под темноту и смех.

Потом сидели на краю
извилистой реки;
она вила печаль свою
а мы – свои стихи.

Печаль стихами налилась,
как звуками – лучи,
и мы молчали на краю
извилистой ночи.

«Рассыпались алые камни...»

Рассыпались алые камни
твоей золотой диадемы
Их гнезда помянут и канут,
как мир обедневшей богемы,

где моль, перешитые платья,
подшивки немодных журналов,
и чем-то облитая скатерть,
что лучшее время знавала.

А ты — как твоя диадема,
а я — как оброненный камень.
И, в общем, исчерпана тема
не нами...

«В пунцовую стыдящуюся щеку...»

В пунцовую стыдящуюся щеку
тайком целует лето свой излом.
Целует золотую подоплёку,
поит ее из облака дождем.

Старик-Июль ведет по паркам Август
и объясняет краски и цвета;
несут деревья изумрудный парус,
чешуйчатый, как листьев суета.

Уже проклеймена рябина красным
в честь будущего рабства сентября.
Никто не слышит просьб ее напрасных —
все губы славу Августа трубят...

Птица ночи

Я – птица ночи,
летящая вечно с востока
на запад. Нет для меня
сети широт над приманками
ваших столиц.
Песня моя высока
и пронизана слогами «ОМ»,
когда бьются хрустальные сферы
и падают грудой осколков —
миров. А когда всеобъемлющий Вишну
клеит судьбу фараонов династии Цинь,
колкие блески маразма
втыкая в подушки гаремов, — я
первой смеюсь.
Сколько разрезано мной
липкой космической пыли!..
Лучшие плато ацтеки
мне предлагали, но я
им отказала и перья
лишь чистила в розовых Андах.
Вместе с кометой Галлея,
Солнце отрезав от Марса,
Землю хвостами окутав, —
только людей испугала...
Сидя на портике трона
Того, кто промышляет твореньем,
я подглядела таблицы
пересечений времен и событий
с Землею. Долго ж не верил Мишель
моим шепотам тихим!
В келье у тусклой лампы
строки ложились. И годы,
и незнакомые лица
падали каплями воска в Книгу
без черновиков...

Тиль Уленшпигель

Спазмом скомканный пласт
эластичного кирпича
оторвался и сгинул в ущелье кармана.
Гула кованный глас
опроверг меня и замолчал,
не найдя в силлогизме своем никакого изъяна.

Ночи скользкий кронверк
синий мох полоскал в волне,
в пять петель и еловый дух топором скорбя.
Шпиль померк,
проколол облаков кашне
и котят звезд его, как сосок, теребят.

Бастионы лет
тешет дня шуга,
и размыт гранит, и тревожит Тиль;
Клаас входит в клеть,
и стучит пурга
из его костей в мой высокий стиль.

Портрет ночного дождя

Портреты дождей
загрунтованы вязким туманом ночным,
как лики вождей —
благородными лаками страха.
И бродит по ним
и по стеклам оконным моим
осенняя муха, как пьяная в дым черепаха

Привязано небо
к земле паутиной из струек воды;
себе на потребу
не может напиться сентябрь,
и варит из листьев и уличной мутной бурды
свой вечный бальзам...
И трещат фитили в канделябре.

Псевдонимы

За город белых зорь
с небесною страницей,
приколотой к реке
на выставку барокко, -
окно свое зашторь,
чтоб тихо отстраниться, -
ведь где-то вдалеке
Атланту одиноко.

Закрой свою тетрадь
в честь серых глаз Невы -
под веками мостов,
в ресницах темных шпилей.
Тебе их вспоминать
в конце иной главы;
а чтоб в пылу веков
основ не позабыли,

мы ночью обойдем
на память эспланады
и праздничных петард
растрескавшийся звук.
В созвучиях имен
твоих уже отрада:
о, бывший Ленинград!
о, бывший Петербург!..

«Мир матовых зеркал...»

Мир матовых зеркал
и невозможных нот,
где целые моря
полны последних капель,
где я о Вас не знал
и годы напролет,
ни словом не хитря,
смотрел на старый табель.

Мир гладких белых зим,
застывших римских поз,
где глаз не разглядеть
на высях постаментов
и не прорваться к ним...
А их немой вопрос
заставит покраснеть
гранитных конкурентов.

«Падал снег. Сквозь сна вуаль...»

Падал снег. Сквозь сна вуаль
тени легкие входили,
и в серебряные мили
опускалась ночи даль.

Снег всё падал наяву,
где бродили мы с тобою...
Умер день. И с длинным боем
Полночь пала на Москву.

Башни. Стены. Мутный блеск
чертит в небе скучный образ.
Рядом – светлый лунный глобус
нарисован в ясной мгле.

Снег звенит. Последний слух
ловит перезвон снежинок.
Но мелодий поединок
глушит сонный белый пух...

«День похож на покойника в белом атласном гробу...»

День похож на покойника в белом атласном гробу.
На изножие факел пурпуровый полог накинул.
Даты золотопрестольные: чрез земноводный карбункул
мы пытаем оракула нежно-прозрачной пучины.

День исполнен нирваны,
звонящей немолчно глуши,
епитимьи лесной и цепей добровольной аскезы
завитков икебаны
из сумерек русской души,
как поклон поясной предвенечного плача невесты.

Трамвайный бред

За аркой падший сад
мгновенной перспективой
цепляет за ушко насупленный трамвай.
Как будто вскрыт гранат:
рябин паллиативы
бордо пятнают топольный Шанхай.
За аркой светлый сад.
И бронзовые блики
колеблются в очах разубранных теней.
Схождением во ад
помеченные лики
и женственный замах обобранных ветвей.

Декада проскрипит,
сгустится дым багровый
и наземь истечет осадком золотым.
Челнок залебезит
по слегшимся основам
и серебристый лед наткет из темноты.

«Аромат сентября – это слепок лица тишины...»

Аромат сентября – это слепок лица тишины
в неразглаженной ткани, скрывающей статую ночи,
твоих локонов дымка оттенка коричневой хны
и листвяного духа предсмертные тихие корчи.

Пахнет холодом близким и пепельной жертвой костра,
теплой девичьей тушью – твои подведенные брови.
Забирается в горло пыльца предстоящих утрат,
перепутав миндаль не забытых губами любовей.

«Определенное сочетание...»

Определенное сочетание
атмосферных явлений, одиночества
и настроения наблюдателя
производит зависание в воздухе
листа клена.
Дельтаплан без пилота.

Элегия

Вечер кроткий, вечер светлый
разобрал постели.
Комариный ад и пекло
над свечой. Блестели

ноготки росяных капель
звездным перламутром,
и клинки сверчковых сабель
стрекотали мудро.

На балконе, над бояркой,
теплится и греет
и нежаркий, и неяркий
папиросный лепет.

Вот ломается и в бездну
падает желанье;
веет чудом невозмездным,
ангела крылами

оттого, что под зенитом,
словно под чинарой,
тает кубок неиспитый
палевым загаром.

Знамена

Сонный дух мосты плетет
и быки на спины
принимают свой пролет.
Тёмен двор Гостиный.

Плач сигнального огня
мечется по стенам;
то прешпектами в санях
мчит курьер военный.

Может, гоголевский бред
бередит Россию?
или упряжь новый Смерд
ладит ей на выю...

То ли ужас входит в кость
узника порфиры?..
С четырех сторон взялось
пламенем полмира;

над знаменем всерьез
сонный дух хлопочет.
Загоняет время пес
пес небесный, Гончий...

«Когда возлюбленная смотрит снизу...»

Когда возлюбленная смотрит снизу,
положив голову тебе на грудь, —
не правда ли, что ее глаза похожи
на тлеющее двоеточие
перед дальнейшим перечислением
поцелуев?..

Раба реки (1992)

«Громкие голоса на темной улице ночью...»

Громкие голоса на темной улице ночью
проходят волной по дому, расплескивая децибелы
отдельными наблюдениями, детскими страхами, сочным
матом и обязательным хохотом баб дебелих
Это – заочный урок раскованной прозы. Впрочем

если ты пишешь сразу в длину строки
и рифму к ней на подходе имеешь, минуя смысл, —
значит, ты одноног умом, но не с той ноги
лечь ухитрился, чем уровень свой повысил
(всё соблюдается, но не видать ни зги).

Сон обязательно в руку, затекшую под подушкой.
Надо проснуться, походя зарифмовать следы,
в новую форму чернила влить, отнести на сушку
некому филологу. И нюхать табачный дым,
покуда он разберется в деталях новой игрушки.

Извлечение

«... Облезает зима, истекая в решетки и люки
из-под черного снега вдоль мокрых проезжих частей,
так похожих на реки, противные всякой науке
и углами прямыми, и кучей собачьих костей,
похороненных рядом с опорой рекламного стенда
в баснословной могиле без гроба сержантом ГАИ, —
не по зову души, а ввиду понижения процента
чистоты и порядка на улицах города, и
по прошествии марта все тайное вышло наружу,
бытие забурело, охрипнув от высшего «до»,
и падением тела в холодную скользкую лужу
отрезвило сознание», — «Слишком напыщенно. Но..

Антиномический диптих

1.

Стена, твой пористый бетон
не охлаждает, только колет;
обратно лепят новый хоббит
и разливают ацетон.

За дальним мостом солнце задом
садится в реку. Ум, зараза,
заходит медленно за разум;
пересыхает Иордан и прекращает интифаду.

Таки врасти в пределы тени
не вышло (выпукло лицо);
учитесь жить заподлицо
и ботать грамотно по фене.

2.

Помазаньем пасхальной синевы
по городской надтреснутой природе
осудим высь. Но будем с ней «на вы»,
всегда «на вы» – и в облачном обводе
согреем заживающие швы.

По телефонной каббале иди,
стирая пальцы, в шорохе припоев,
на шелковом запетленном пути
узлы отточий походя освоив,
и метастазов голые культы

на паперти страницы разложив
бессмысленным и наглым препаратом,
патологоанатому скажи,
что это – мясо Муция из Спарты,
который Муций, кажется, не жил.

«За штриховкой воды, за решеткой ее легковесной...»

За штриховкой воды, за решеткой ее легковесной
новоявленный «вольво» ведет за собою назад
праздноглазую тварь, обсосавшую все манифесты,
на печально-игривый, предписанный в святцах, парад.

Мы на этом параде, – верхом на поддатых папашах.
Вымпела. И цветные шуршат над рядами шары.
На пробор облаками колонны заглажены наши
в духе южного ветра (поверху, где глохнут миры).

Потому на глазах тут, внизу, стекленеют ландшафты,
и подарочной лентой пропущен по ним транспарант;
серый «вольво» плывет, сердобольный, литым космонавтом
меж туземцами – нами, небрежно целуя асфальт.

Письмо из театра «НО»

Охра и зелень; на голубом —
черная ивы кисть,
полые почки. Мой мертвый гном
снова солирует в голубом.
Белая, белая перекись
ломким сном
Капельный флёр и очков гало —
Эрнестова Галилея.
Сыплется шелковое «алло»;
в Генисарет опушу весло...
О, виноградник лилейный!
робкий клоун
театра «Но».

«Скукожатся одуванчики лысые, по́ ветру...»

Скукожатся одуванчики лысые, по́ ветру
седины свои пустив;
вольно им, пасынкам мать-и-мачехи, алкоголикам, —
кончился крови их белой аперитив.
Перед подружкой пищит, распинается птах — ни бельмеса
в сольфеджио,
а горлышко, господи, разрывается от благодати
у жертвы медвежьей даже!
Так же и я, старичок преждевременный, к девице
с ко́рыстью прислоняюсь,
в у́шко шепчу ей, себе на погибель, то, что положено,
самую малость.
Кап... Планетария яичко вскрытое;
цирка шляпа тирольская без пёрышка, пирожком...
То́мится тварь по весне, умиляется, слабенько хныкает,
лизет сосок недоцеженный сухоньким язычком.
Вот и еще раз Земля изменила вращение:
облако встало, подумало — и обратно.
Ни расписанья, ни цели, да кажется, и прощенья
не наблюдается, — богово дело, приватное...

«Всё темнее, чем есть. Всё темнее, чем было и будет...»

*«... помедлил семь дней и опять
выпустил голубя из ковчега»*

Всё темнее, чем есть. Всё темнее, чем было и будет.
И как кот по карнизу, крадется авто в полусне.
Фиолетовый рай, стон черемухи, рисовый пудинг,
скрип сустава и мышцы, рябиново-приторный крем...
Что же давит на лоб? Почему так мучителен вечер?
Ненадежен и влажен его синоптический свет;
может, голубь вернулся, никем до сих пор не замечен,
и кружит над ковчегом, и Ноя поблизости нет...

«Хладных фонтанов струи бессильные...»

Хладных фонтанов струи бессильные
клонятся, валятся в мелководье
мнимоантичного гипса субтильного
вялокипящее, как преисподняя.

Только смотреть, не взыска устами
неба безбожного, крон перепрелых;
руки сложив на дамоклов атеп,
с вечной скрижали осыпаться мелом!

О человек, преизбыток природный!
венчик никчёмный – вода, роговица...
Знак над тобою: секира, колода;
весь ты завернут в одну плащаницу.

И ни петля, ни пещера отшельничья.

«Облако! долго ли в небе купаться...»

Облако! долго ли в небе купаться
вашему брату, и так белоснежному?!
Следом за ливнями облако адское
меркнет окалиной, оком рассерженным.

Пауза, прорва... Крыло Алконоста,
перья роняя, стремлением праздным
бьется о стопы в размере... Но поздно —
Пан издыхает...

«Мой мерный эпатаж...»

Мой мерный эпатаж
найдет себе зеницу,
оденется в белье
прельстительнейших нимф,
чьих месячных пропаж
священная водица
уже без ритма льет...
И оседает миф

в ладони торопливой;
и порошит резец,
на мраморном челе
прорезывая глаз
единственный, гневливый,
провидящий венец
долепленной Земле
помимо всяких нас,

помимо Назорея,
помимо райских куш
и нижних гекатомб, —
что мудрости грозит,
собою не владея,
у божества в крови
почуяв смертный тромб.

Сон, вызванный...

Так не выучишь эту роль...
Остановлены хляби. В полдень,
отзыв пугая и пароль,
помирает *perpetuum mobile*.

Он умрет и увидит сон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.